

Перевод: Simlirr

Редактор: Naides

Пока его отчитывали, генерал Ген выглядел несчастным и абсолютно потерянным. Поговаривали, что Чжун Даю в итоге помог ему вернуться домой.

«Должно быть, император по-настоящему жалеет старого генерала Гена», — предположил Гу Тинье.

В царстве Шу, жители которого были простыми и честными, проблемы решали обычно незамедлительно и бескомпромиссно. Насилие в тех краях было не редкостью. Любую проблему можно было решить достаточно длинным ножом. Возможно, старому генералу Гену ранее не встречались по-настоящему свирепые и агрессивные твари вроде гражданских чиновников. Внешне большинство из них выглядели вежливо и изящно, но глубоко внутри они были безжалостны.

Они никогда не пачкали руки, сражались друг с другом они, используя собственные рты. Более того, если в руки им попадали кисть и чернила, они были способны проклясть и твоих предков тоже.

Допустим, племянник второго дядюшки твоей тёти мог неожиданно пострадать просто потому что у него вдруг обнаружился долг в борделе. Это было по-настоящему идеальное преступление, убивая, они не проливали ни капли крови.

На следующий день письма с обвинениями пожилого генерала Гена посыпались, словно снежинки. Согласно феодальной этикету древних времён, родная мать была менее важна для человека, чем его законная мать. И если незаконнорождённый сын достигал чего-то значительного, лишь его законную мать уважали и восхваляли за его воспитание. Родная мать не упоминалась вовсе.

Если же сын настаивал на том, чтобы одарить почестями свою родную мать, сперва он должен был дать законной матери насладиться лучами славы. И лишь потом он мог начать восхвалять свою родную мать.

Пожилой генерал Ген чувствовал себя несправедливо опороченным. Он совершенно не собирался как-либо идти против данного правила этикета. Впрочем, в императорской семье ситуация могла быть иной. До того как вдовствующая императрица Шен Ань лишилась мужа, она не была императрицей. Титул императрицы был дарован ей во время официальной церемонии. Вдовствующая императрица Шен Де, напротив, была императрицей, но её родной сын никогда не был императором. Так почему же тогда к ней следовало относиться с большим уважением?

Очевидно, эти гражданские чиновники пытались направить императора по ложному следу, сосредоточившись на единственной ошибке, совершённой генералом Геном, и раздувая проблему из одной фразы, которую он имел неосторожность обронить.

Когда император только-только взошёл на трон, ему пришлось столкнуться со множеством таких чиновников. И все их слова в конечном итоге запутали и сбили его с толку. Из-за этого он даровал титул вдовствующей императрицы двум женщинам, тем самым довольно сильно ограничив себя во дворце. Император сожалел каждый раз, когда вспоминал об этом.

Возможно, в то время кто-то направлял его. После того как император разобрался со всеми проблемами, он принял решение править незыблемо, не поддаваясь ни на чьи уговоры, даже собственной матери, и тем самым заодно обеспечил себе более простую жизнь в будущем.

Поэтому даже когда вдовствующая императрица Шен Де явилась в императорский храм предков и разрыдалась перед мемориальной табличкой прошлого императора, нынешний был непоколебим. Выгнав пять или шесть чиновников, действовавших наиболее активно, и разжаловав ещё с десятков других, он сумел выбить из госслужащих их заносчивость.

Заодно он воспользовался ситуацией и повесил на них обвинение в болезни вдовствующей императрицы Шен Де, заявив, что они «сеют раздор в императорской семье, вынашивая злонамеренные планы». Это было большой победой для императора.

Единственным пострадавшим был бедняга генерал Ген, который до сих пор оставался дома, притворяясь больным, и не осмеливался ни с кем видаться.

Однако, как говорил чиновник Яо, столь жёсткие методы нельзя использовать часто. В этот раз у императора был достойный мотив, и это дело не имело никакого отношения к государственным интересам. Но если император будет постоянно демонстрировать свою власть над чиновниками подобным образом, это неизбежно испортит его репутацию.

Минлань согласно кивнула. Этот старик действительно был весьма мудр и зрил прямо в корень проблемы.

Было бы лучше, если бы император мог прислушиваться к предложениям чиновников, и таким образом черпал мудрость из всех доступных ему источников. В конце концов, ему и его изначальным последователям всё ещё не доставало опыта, и он до сих пор учился правильно вести государственные дела.

Условия жизни в разных уголках страны значительно отличались друг от друга. Сложности отношений между разными кланами чиновников тоже не добавляли ему радости. Когда император ошибался в чём-либо, он даже не мог скинуть вину на других. Когда он ошибался в чём-либо, ему приходилось нести весь груз ответственности за свои действия.

Таким образом, ученику Гу приходилось усердно учиться.

Чтобы не разочаровать императора и не отправиться следом за пожилым генералом Геном, ему приходилось много читать, зачастую по ночам, а также вникать и детально анализировать все отчёты и должностные бумаги. А когда он находился на работе, ему приходилось внимательно вслушиваться в каждую перепалку между учёными и стараться не упустить ничего важного. Когда он уходил с работы, он должен был обязательно посещать святилище, и выражать скорбь по его ушедшему брату, по которому он совершенно не хотел скорбеть. И пускай он не мог проронить ни слезинки, ему всё равно необходимо было изображать рыдания и пытаться показать грусть всем своим видом. Такая жизнь медленно, но уверенно вгоняла его в депрессию.

Но, к счастью, он был умным парнем. Уже спустя сорок девять дней после смерти брата он уже мог участвовать в светских разговорах при дворе. Более того, согласно отзывам чиновника Яо, его слова демонстрировали его великий опыт.

Недавно, например, при дворе разгорелась жаркая дискуссия по поводу солевых дел, которые в последние годы представляли из себя полнейшую неразбериху. Продажа нелегально добытой соли стала обыденностью, из-за чего государство теряло налоги. При этом все учётные книги были безукоризненно чисты, а чиновники были явно повязаны с продавцами.

Прошлый император выделял несколько групп дознавателей, чтобы расследовать это дело, но все они либо возвращались с пустыми руками, либо брали взятки и в итоге оказывались в темнице. Теперь же император хотел привести рынок в порядок, что вызывало непрерывную череду споров среди чиновников. Большинство из них утверждало, что страна не выдержит ещё одной смуты, и что расследование вновь дестабилизирует ситуацию, отчего может пострадать множество людей.

Прослушав их всё утро, Гу Тинье всё же перебил одного из них, возмущавшегося громче остальных, и спросил его, с выражением невинности и смирения на лице:

— Давай отложим в сторону все детали. Я просто хочу узнать: мы будем решать эту проблему или нет?

Чиновник смущённо покраснел и замолчал на некоторое время, после чего вновь принялся рассказывать ему о трудностях и возможных последствиях.

— Значит, ты хочешь сказать, что нам не стоит этим заниматься и что нужно пустить всё на самотёк? — переспросил его Гу Тинье.

И не важно, сколько эти чиновники пытались сменить тему, Гу Тинье продолжал задавать им один и тот же вопрос.

— Нам ведь нужно решить проблему с торговлей солью во имя страны и во имя народа?

Налоги от торговли соли должны были составлять примерно одну пятую от всех доходов

страны, но сейчас их доля была менее одной пятидесятой. При столь вопиющей разнице ни один чиновник не осмелился заявить, что им не нужно было заниматься этой проблемой. В итоге в зале собраний воцарилась тишина.

Глядя на всё это, император чувствовал воодушевление.

«Прекрасно», — думал он. — «Раз уж все согласились с необходимостью решать проблему с солью, следующими вопросами должны были быть «Как нам решить эту проблему? Кого стоит назначить ответственным за это? И следует ли нам действовать быстро, или же осторожно?»».

Минлань тоже восхищалась тем, что сделал Гу Тинье. Он сумел найти верное решение и сделал это быстро. Изучая политику, и риторику он уже знал о способе разделения при дебатах. Однако, когда дело дошло до обсуждения кандидатур на должность главного по солевым делам при дворе, Минлань почувствовала лёгкий испуг.

— Ты хочешь вызваться?

— Не переживай, — с улыбкой отмахнулся Гу Тинье, сидевший в деревянном кресле. — Я уже сказал Его Величеству, что я не смогу справиться со столь деликатной работой.

Услышав это, Минлань облегчённо выдохнула.

Жизнь женщины в древности была по истине сложной. Она ни за что не хотела, чтобы её муж стал вторым Хай Жуем или Янь Суном. Лучше всего было бы, если бы он стал кем-то вроде Тань Луня, который был незыблемым лоялистом, имел множество друзей по всей стране, занимал высокое положение с подобающим жалованием, и обеспечил своим потомкам безбедное существование.

Гу Тинье ущипнул её за мочку уха и добавил:

— Не переживай. У Его Величества есть планы на этот счёт. После того как было подавлено восстание на юге, он поменял множество офицеров в гарнизонах по стране. И сейчас он решил заняться проблемами с солью, потому что большая часть командиров лояльны ему.

Минлань взяла его за руку и лучезарно улыбнулась.

— Я не хочу ни богатств, ни высокого положения, главное, чтобы ты был в безопасности, — опустив голову ему на плечо, тихо произнесла она. В её голосе и движениях чувствовалось смущение.

Широко, улыбнувшись, Гу Тинье обнял Минлань, после чего его руки довольно быстро сползли ниже её талии. Однако Минлань перехватила его руку и возмутилась, покраснев:

— У нас же всё ещё траур по твоему брату!

Ни один из методов контрацепции в древности не был эффективен на сто процентов. Да и потом, у неё были месячные.

Гу Тинъе, помрачнев, убрал руки выше, и обнимал Минлань ещё какое-то время, после чего встал и с понурым видом вышел из комнаты. Минлань последовала за ним и поинтересовалась, что он собирается делать.

— Погасить свет.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1648772>